

ВОПРОСЫ ТЕКСТОЛОГИИ И ВИЗАНТОЛОГИИ

Литературный факт 2026. № 3 (41).
Literaturnyi fakt [Literary Fact], no. 3 (41), 2026

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 3 (41), 2026

Научная статья

УДК 821.161.1.0

<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-41-351-367>

<https://elibrary.ru/SZGPAN>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

«Житие Антония Великого» Афанасия Александрийского. Размышления о жанре

© 2026, А.С. Балаховская

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Аннотация: В статье рассматривается проблема жанра «Жития Антония Великого», написанного Афанасием, епископом Александрийским. Это житие впоследствии послужило образцом для создания других византийских житий святых, и поэтому определение жанровой принадлежности этого сочинения имеет большое значение для анализа литературной формы более поздних произведений византийской агиографии. Однако среди исследователей нет единства по вопросу его жанра: одни считают, что это житие является некой неустоявшейся литературной формой, опирающейся на разные литературные образцы, а другие — что оно продолжает традиции античной биографии. Для решения проблемы в статье предлагается рассмотрение «Жития Антония Великого» в контексте развития жанра античной биографии в целом, что дает ключ к пониманию его жанрового происхождения. При сравнении жития с такими позднеантичными биографиями, как «Жизнеописание Пифагора» Порфирия и «О Пифагоровой жизни» Ямвлиха, автор статьи приходит к выводу, что «Житие Антония Великого» вписывается в контекст развития позднеантичной биографии. С другой стороны, утверждается, что оно отличается от произведений Порфирия и Ямвлиха христианской тематикой, использованием библейского контекста и динамичным образом героя. Таким образом, делается вывод, что «Житие Антония Великого» является частью большой литературной традиции жанра античной биографии, впитавшей в себя новые религиозные, культурные и литературные идеи и явления.

Ключевые слова: Антоний Великий, Афанасий Александрийский, Пифагор, житие, жанр, античная биография, византийская агиография, библейский контекст, библейские образы, литературная традиция

Информация об авторе: Александра Сергеевна Балаховская — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7959-5059>

E-mail a.balakhovskaya@gmail.com

Для цитирования: Балаховская А.С. «Житие Антония Великого» Афанасия Александрийского. Размышления о жанре // Литературный факт. 2026. № 3 (41). С. 351–367. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-41-351-367>

«Житие Антония Великого» (251–356), основоположника восточного монашества, было написано епископом Александрийским Афанасием (297–373) вскоре после кончины Антония. Вопрос определения жанра этого жития весьма важен для изучения византийской агиографии, поскольку оно лежит у ее истоков, и от того, какова жанровая принадлежность этого произведения, зависит и наше видение более поздних произведений агиографической письменности, ибо агиографы, творившие после Афанасия Александрийского, во многом ориентировались на него. Тем не менее, среди исследователей нет единства в понимании жанра этого сочинения.

Еще в начале XX в. Х.М. Лопарев полагал, что автор «Жития Антония Великого», Афанасий Александрийский, отвергая языческое наследие, писал его, так сказать, с чистого листа, игнорируя классические литературные каноны¹. Хотя в настоящее время исследователи воздерживаются от столь далеко идущих выводов, некоторые из них также полагают, что «Житие Антония Великого» представляет собой некую новую литературную форму.

Например, А.А. Войтенко в своей монографии «Египетское монашество в IV в. Житие преп. Антония Великого. Лавсаик. История монахов» [2], обратившись к обзору исследований, посвященных житию, который содержится в статье Г. Бартелинка² (отметим, к слову, что этот обзор демонстрирует разнообразие самых противоречивых точек зрения, касающихся литературной формы жития. К примеру, Р. Рейценштейн полагал, что в этом сочинении можно увидеть элементы светониевых описаний нравов героя, А. Присниг рассматривал его как повествование, организованное по схеме плутархических биографий, а, к примеру, Дж. Лист видел в нем энкомий), резюмирует, что не существует единого мнения о том, что послужило прототипом «Жития Антония Великого». Он полагает, что жанровая специфика этого произведения наиболее точно опре-

¹ Лопарев Х.М. Греческие жития святых VIII и IX веков. Опыт научной классификации памятников агиографии с обзором их с точки зрения исторической и литературной. Ч. I: Современные жития. Петроград: Тип. Имп. акад. наук, 1914. С. 15.

² Bartelink G.J.M. Die Literarische Gattung der Vita Antonii. Struktur und Motive // *Vigiliae Christianae*. 1982. Vol. 36. P. 38–62.

делена Т.В. Поповой, которая указывает, что главной особенностью его жанровой формы является многогранность [2, с. 25].

Согласно Т.В. Поповой, «Житие Антония Великого» — это «и эпистолярное послание, и биографический энкомий, прославляющий первого пустынножителя и законодателя монашеских общин, и христианская проповедь»³.

Таким образом, А.А. Войченко полагает, что «жанр “Жития св. Антония” еще очень “подвижен” — ибо динамична сама динамичная эпоха перехода от Античности к Средневековью, в которой оно создавалось, — отталкиваясь от литературных образцов, но не делая ни один из них своим литературным “прототипом”, Афанасий Александрийский еще только создавал предпосылки для создания агиографического канона» [2, с. 26–27].

Со своей стороны, Томас Хэгг напрямую связывает «Житие Антония Великого» с античной биографией. Он говорит о том, что возникновение христианской агиографии можно рассматривать как продолжение античного биографического жанра «на службе новой веры» [4, р. 17], и в связи с этим «Житие Антония Великого» является «ключевым текстом, впитавшим в себя различные тенденции греческой античной биографии» [4, р. 18].

Так является ли «Житие Антония Великого» еще неустоявшейся литературной формой, использовавшей различные литературные образцы, или все-таки в основе этого сочинения лежит традиционная форма греческой биографии?

Биография в античности

Томас Хэгг утверждает, что наиболее плодотворным подходом к биографии в период поздней античности является «использование термина “биография” в наиболее общем и нейтральном смысле, применительно к каждому литературному сочинению, в котором рассказывается о жизни человека от колыбели до могилы» [4, р.17], и в данном случае он повторяет мысль известного итало-британского ученого, автора нескольких исследований по античной биографии, А. Момильяно о том, что биография — это сочинение, в котором рассказывается о жизни человека от рождения до смерти [7, р. 11].

Наличие множества противоречивых попыток четко описать жанр позднеантичной биографии и определить его литературные особенности объясняется тем, что биография как жанровая форма

³ *Попова Т.В.* Античная биография и византийская агиография // Античность и Византизм: сб. статей. М.: Наука, 1975. С. 226.

не укладывается в какую-либо готовую схему. По словам американской исследовательницы П. Кокс, «чтобы определить жанр греко-римской биографии, мы должны отказаться от идеи, что сложная, стандартная форма биографии получила развитие и прошла через века. Попытки определить образец, который был бы формальным примером биографии, потерпели поражение, потому что биографии не укладываются в абстрактные формулы. Анализ формальной структуры привел бы к определению жанра для каждой биографии, что несомненно будет неудачей в попытке достичь всеобъемлющего определения»⁴.

Биография стала осознаваться как отдельный жанр в начале имперского периода, свидетельство чему находится, например, в сочинениях Плутарха, который разделяет историческое и биографическое повествования. Говоря об общественно-политической жизни, он замечает, что «рассказать об этом подробно и обстоятельно — задача истории, описывающей событие за событием, но мимо достопамятных обстоятельств в жизни Цезарей нельзя пройти и мне» [3, т. 2, с. 552].

В III–IV вв. биография из светской становится религиозной. На смену одним героям — императорам, знаменитым полководцам, тиранам, представителям различных философских школ, риторам, поэтам, музыкантам⁵ приходят другие — религиозные лидеры, духовные учителя и чудотворцы. П. Кокс отмечает, что этот тип биографии подобает рассматривать в свете исторического развития греко-римской биографии в целом, «и когда поздние биографии оцениваются в свете этой преемственности, непрерывность в форме, содержании и в функционировании, сформировавшаяся внутри традиции, дает возможность понять их лучше»⁶.

Говоря об этом типе биографии, П. Кокс отмечает, что ее герои, являются идеальными характерами⁷, и представление о них дается

⁴ Cox P. *Biography in Late Antiquity. A Quest for the Holy Man*. Los Angeles; London, 1983. P. 54–55.

⁵ Аверинцев С. С. Плутарх и античная биография. К вопросу о месте классика жанра в истории жанра. М.: Наука, 1973. С. 165–170.

⁶ Cox P. *Biography in Late Antiquity. A Quest for the Holy Man*. Los Angeles; London, 1983. P. 4.

⁷ Под идеальным характером имеется в виду такой, который изображается не через описание частных, конкретных черт, свойственных личности, находящейся в определенной исторической среде, но сводящийся к картине общих повторяющихся от персонажа к персонажу черт, выражающих идеи того или иного мировоззрения или религиозной системы. Фактически, здесь речь идет о том, что Д. С. Лихачев называл художественным абстрагированием, которое, по его словам, проходит через всю средневековую русскую литературу и вызвано «попытками увидеть во всем “временное” и “тленное” <...> символы и знаки вечного, вневременного, “духовного”, “божественного”». См.: Лихачев Д. С. *Поэтика древнерусской литературы*. М.: Наука, 1979. С. 102.

не через описание развития их образов в потоке времени, а через рассказ об их деяниях — физических действиях или вербальных актах (речи, сочинения).

Со своей стороны, деяния героя описываются путем использования особых литературных единиц — анекдотов, максим, речей и каталогов (имеются в виду списки источников⁸, на которые ссылается автор⁹, их последовательное соединение в одно повествование и образует структуру всего сочинения, раскрывая идеальный образ героя. Эти литературные единицы дают идеальному образу «плоть и кровь», придавая ему историчность¹⁰.

В качестве примера таких биографий можно назвать жизнеописания Пифагора, созданные Порфирием и Ямвлихом. Эти и другие языческие религиозные биографии находятся на одной линии преемственности с биографиями христианских святых, в частности, с «Житием Антония Великого», что мы и постараемся продемонстрировать в данном исследовании.

Античные религиозные биографии и «Житие Антония Великого»

Автором «Жития Антония Великого» (251–356), основателя египетского монашества, был епископ александрийский Афанасий (295–373). Несмотря на то, что существует много различных версий этого памятника, что породило споры относительно авторства Афанасия Александрийского, аргументацию Д. Бракке [6, р. 29–53] в пользу подлинности греческой версии «Жития Антония Великого» и авторства Афанасия Александрийского следует признать убедительной.

Обратимся к литературной характеристике самого жития. Скажем сначала о его структуре. Согласно точке зрения автора статьи «Переоценка наследия классической биографии в “Житии Антония

⁸ Об особенностях использовании источников в жизнеописаниях Пифагора Порфирия и Ямвлиха см.: Cox P. *Biography in Late Antiquity. A Quest for the Holy Man*. Los Angeles; London, 1983. P. 60–62. П. Кокс указывает на то, как ими пересматривается риторическая теория достоверности, выделяющая две формы повествования — историю и миф, из которых история достоверна, а миф — нет. Исследовательница демонстрирует, что для Ямвлиха мифологические повествования также являются достоверными и что чудесное для него столь же исторично, как и обыденное, поскольку Бог всемогущ и может сотворить любое чудо.

⁹ Например, такой список находится в сочинении Порфирия «Жизнь Пифагора». См.: *Porphyre. Vie de Pythagore. Lettre à Marcella. Text établi et traduit par Édouard des Places, S.J. Correspondant de l'Institut avec un appendice d'A-Ph Segonds*. Paris: Société d'édition «Les belles lettres», 1982. P. 36–39.

¹⁰ Cox P. *Biography in Late Antiquity. A Quest for the Holy Man*. Los Angeles; London, 1983. P. 55–65.

Великого» С. Рубенсона [8], композиционно это сочинение делится на две части. Первая из них посвящена духовному становлению героя, она также включает в себя весьма обширную (с 16 по 44 главу) беседу Антония с монахами о духовной жизни и демонологии (гл. 1–44). Рубежом, отделяющим первую часть от второй, является выход Антония из двадцатилетнего затвора, знаменующий достижение им духовной зрелости. Во второй части (гл. 45–93) повествуется о деятельности Антония и его взаимоотношениях с внешним миром. Здесь помещен разнообразный материал, характеризующий героя с различных сторон. Предваряет «Житие Антония Великого» Пролог, а завершает Заключение (гл. 94) [8, р. 194–197]. Отметим, что Г. Бартелинк предлагает иную структуру: первую часть составляют главы 1–48, вторую — 49–88; главы 89–92 описывают кончину и погребение Антония и главы 93–94 представляют собой эпилог [5, р. 65–66]

Первая часть «Жития Антония Великого» включает в себя анекдоты, в которых передаются различные эпизоды из истории духовной борьбы Антония, соединенные в последовательное повествование. В отличие от первой, вторая часть характеризуется большим разнообразием материала. В ней, наряду с анекдотами, мы встречаемся с максимами Антония, а также с пространными речами, посвященными обличению язычества и различных ересей, с описанием чудес святого. Эта часть завершается рассказом о кончине Антония.

Здесь было бы уместно вспомнить о сочинении Ф. Лео, посвященном литературной форме греко-римской биографии¹¹. По словам Г. Бартелинка, Ф. Лео выделил два типа биографических повествований. Один из них, сформировавшийся в перипатетической школе, представляет собой хронологически последовательное изложение жизни героя. Вершиной такой биографии являются «Параллельные жизнеописания» Плутарха. В другом типе биографии, разработанном александрийскими грамматиками, выделяются две части. В первой из них в хронологическом порядке излагается история происхождения и становления героя, а во второй, которая рассматривается, как основная, раскрывается его деятельность, но уже в тематической последовательности. Первым, кто применил эту биографическую структуру к политическим деятелям, был Светоний¹².

¹¹ *Leo F.* Die Griechisch-Roman Biographie nach ihrer literarischen Form. Leipzig, 1901. 329 s.

¹² *Bartelink G.J.M.* Die Literarische Gattung der Vita Antonii. Struktur und Motive // *Vigiliae Christianae*. 1982. Vol. 36. S. 39–40.

Несмотря на то, что классификация, предложенная Ф. Лео, не всегда точно отражает положение вещей¹³, она, несомненно, имеет под собой реальные основания. Очевидно, что Плутарх строит повествование о герое в хронологическом порядке, попутно комментируя его поступки и давая им оценку — чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к любой из созданных им биографий в «Параллельных жизнеописаниях».

И так же очевидно, что в биографиях Светония четко выделяются две части — хронологическая и тематическая. Возьмем, к примеру, биографию Юлия Цезаря, где сначала в хронологическом порядке описываются постепенное восхождение Цезаря к власти, гражданская война, победа над Помпеем, государственная деятельность (гл. 1–44). В главах 45–75, говорится о наружности, привычках, нраве и занятиях Цезаря в мирное и военное время, о его добродетелях. Начиная с 76 главы, речь идет о властолюбии Цезаря, и постепенно повествование подводится к заговору против него и к убийству¹⁴.

Если обратиться к еще одной биографии, например, Тиберия, то здесь также сперва в порядке хронологии повествуется о его жизни до возвращения на остров Капри и оставления им всех государственных дел (гл. 1–41), а затем в главах 42–72 дается его характеристика, нравственная оценка деятельности, характера, внешности, отношения к богопочитанию, к благородным искусствам. И, наконец, в главах 72–76 описываются последние дни и кончина героя¹⁵.

Интересно сопоставить композицию биографий, созданных Светонием, и биографий Пифагора, написанных Порфирием и Ямвлихом. Очевидно, что жизнеописание Пифагора Порфирия также, как биографии Светония, распадается на две части. В первой из них в хронологическом порядке описывается жизнь древнего философа, включая переезд в Италию (гл. 1–18), вторая раскрывает различные стороны жизни и учения Пифагора — его сверхчеловеческие способности, умение предсказывать будущее, повседневную жизнь, отношение к друзьям, методы преподавания и наставления. Приводятся различные поучения и максимы мудреца, раскрывается его философское учение (гл. 19–53). Наконец, в заключение, повествуется

¹³ Например, С.С. Аверинцев отмечает, что Плутарх отнюдь не всегда следовал хронологии и что в ряде биографий он строит повествование не по хронологическому, а по тематическому принципу. См.: *Аверинцев С.С. Плутарх и античная биография. К вопросу о месте классика жанра в истории жанра.* М.: Наука, 1973. С. 130.

¹⁴ *Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей.* М.: Худож. лит., 1990. С. 8–37.

¹⁵ Там же. С. 79–106.

о последнем времени жизни Пифагора, кончине и о последователях (гл. 54–60)¹⁶.

Биография Пифагора Ямвлиха шире, чем сочинение Порфирия. Это не просто биография, а еще и рассказ о пифагорейской общине и ее жизни. Но, тем не менее, общая структура сочинения «О Пифагоровой жизни» повторяет структуру произведения Порфирия. Сочинение также распадается на две части. Оно начинается со Вступления (гл. 1), затем следует рассказ о ранних годах жизни Пифагора и о начале его деятельности включая переселение в Италию (гл. 2–8). После этого приводится несколько речей Пифагора, в которых содержится его учение (гл. 8–11). В биографию включен очерк пифагорейской философии, пифагорейского образа жизни и описание пифагорейских добродетелей (гл. 12–33). Заключает сочинение список известных пифагорейцев (гл. 34–36)¹⁷.

Итак, и в сочинениях Светония, в обеих биографиях Пифагора выделяются две части — хронологическая и тематическая. Но, если у Светония вторая часть посвящена описанию только нрава героя, то в биографиях Пифагора вторая часть шире, в нее включаются и речи героя, и изложение философского учения, и описание образа жизни пифагорейцев. Можно предположить, что в этом смысле позднеантичные религиозные биографии являются продолжением и развитием традиции светониевой тематической биографии.

Теперь вновь обратимся к «Житию Антония Великого». А. Присниг в своей статье «Биографическая форма “Жизни Плотина” Порфирия и “Житие Антония” Афанасия»¹⁸, утверждает, что форма «Жития Антония Великого» принципиально отличается от формы «Жизни Плотина» и жизнеописаний Пифагора¹⁹, поскольку для «Жизнеописания Пифагора» Ямвлиха характерно резкое разделение панегирической и тематической (светониевой) частей, а в «Житии Антония» первая, хронологическая часть, более обширна, нежели вторая, тематическая, и примеры, подтверждающие тематические категории, также расположены в хронологическом порядке²⁰.

Соображение А. Приснига относительно расположения тематических категорий в хронологическом порядке, требует комментария.

¹⁶ *Porphyre. Vie de Pythagore. Lettre à Marcella. Text établi et traduit par Édouard des Places, S.J. Correspondant de l'Institut avec un appendice d'A-Ph Segonds. Paris: Société d'édition «Les belles lettres», 1982. P. 36–66.*

¹⁷ *Iamblichus. De Vita Pythagorica Liber. Lipsiae: B.G. Teubner, 1937. P. 5–147.*

¹⁸ *Priessnig A. Die Biographische Form der Plotinvita des Porphyrios und das Antoniosleben des Athanasios // Byzantinische Zeitschrift. 1971. Vol. 64. S. 1–5.*

¹⁹ *Ibid. S. 4.*

²⁰ *Ibid. S. 3.*

Во-первых, сам по себе хронологически расположенный тематический порядок не отменяет принципа двухчастной формы, а, во-вторых, во второй части четко выделяются тематические рубрики без каких бы то ни было хронологических указаний.

Действительно, вторая часть, в которой повествуется о взаимоотношениях Антония с внешним миром, начинается с хронологического повествования о пребывании Антония в своем монастыре (гл. 45), о его походе в Александрию во время гонения Максимиана (гл. 46), о возвращении в монастырь (гл. 47–48), об удалении на внутреннюю гору, о совершенных там подвигах, о посещении монастырей и встрече с сестрой, о возвращении на гору и наставлениях, которые он давал приходящим (гл. 49–56).

Однако уже с 57 главы повествование приобретает чисто тематический характер. Главы 57–66 представляют собой подборку рассказов о чудесах, сотворенных Антонием, о бывших ему видениях. В главе 67 речь идет о смиренномудрии Антония, которое проявлялось в почитении к церковной иерархии и в том, что он сам не стыдился учиться у других. Здесь же описывается облик Антония.

В главах 68–71 возникает другая тема — правоверие Антония и его негативное отношение к ересям — мелетианам, манихеям, арианам. В 69 главе говорится, что Антоний специально приходил в Александрию, чтобы обличить ересь Ария, а в 70 и 71 главах рассказывается о радости по этому поводу жителей города, которые собрались видеть Антония, и о чуде исцеления, которое он там сотворил. Большое внимание Афанасий Александрийский уделяет беседам Антония с языческими философами и обличениям язычества. Этой теме посвящены главы 72–80.

Следующие главы жития (81–88) посвящены расположенным довольно хаотично рассказам о различных сторонах жизни и деятельности Антония. Здесь и сообщение о том, что имя святого стало известно в императорском дворце, и о видении им грядущих бед церкви, и о его влиянии на умы людей.

Таким образом, создается впечатление, что А. Присниг слишком увлечен частными деталями биографических повествований и не видит общей тенденции литературной динамики. Ведь дело не в том, насколько хронологическая часть длиннее, чем тематическая, и не в том, что в тематической части есть элементы хронологии, а в самом принципе, сложившемся в традиции александрийской биографии и нашедшем воплощение в биографиях Светония — двухчастная структура повествования и его деление на хронологическую и тематическую части.

Вспомним еще раз утверждение П. Кокс о том, что для греко-римских биографий невозможно найти единую структуру, лежащую в их основе, ибо для этого пришлось бы определять жанр для каждой биографии отдельно, что, фактически, и делает А. Присниг при анализе биографий Плотина, Пифагора и Антония Великого. С нашей точки зрения, при рассмотрении поздних биографий следует сконцентрироваться на общих принципах, которые легли в основу их структуры, в противном случае мы не увидим литературной динамики античной биографии в целом и каждый раз будем иметь дело лишь с отдельной застывшей формой.

Действительно, «Житие Антония Великого» по своей композиции и по описываемым в нем духовным идеалам очень похоже на обе биографии Пифагора, похоже настолько, что С. Рубенсон, который сравнивал сочинение Афанасия Александрийского с сочинением Ямвлиха «О Пифагоровой жизни», даже высказал предположение, что «Житие Антония Великого» — это ничто иное, как антипифагореанский трактат и что Афанасий Александрийский выстраивал его параллельно жизнеописанию Пифагора, тем самым создавая в образе Антония альтернативу Пифагору [8, р. 207–208].

И биография Пифагора, и биография Антония начинаются Прологом, в качестве первой части они содержат повествование о ранних годах жизни героя и вступлении его на поприще, а затем, во второй части, помещены речи героев, рассказы об их добродетелях, деятельности, чудесах, учении, завершаются обе биографии заключением.

В своем исследовании о позднеантичной биографии П. Кокс, ссылаясь на труд Ф. Лео, говорит о том, античные биографии построены согласно одной из двух моделей — хронологической или тематической²¹. И далее она продолжает, что религиозные биографии (или биографии святых, которые мы и рассматриваем в этой статье) являются биографиями тематическими²², что мы и видим на примере биографий Пифагора, а также биографии Антония Великого, которая тоже относится к этому типу биографий.

Таким образом, по своей структуре «Житие Антония Великого» вписывается в контекст развития позднеантичной религиозной биографии, образцы которой строятся по двухчастной схеме — хронологического изложения духовного пути героя и тематического

²¹ Cox P. Biography in Late Antiquity. A Quest for the Holy Man. Los Angeles; London, 1983. P. 56.

²² Ibid. P. 57.

рассказа о его добродетелях, учении, наставлениях, чудотворениях и др.²³

Итак, соединение различных жанровых форм: проповеди, духовного поучения, философского трактата во второй части «Жития Антония Великого» — это не литературное новаторство, автора, создававшего свое сочинение на стыке разных жанров, а следование сложившейся литературной традиции языческой религиозной биографии, образец которой мы видим в сочинении «О Пифагоровой жизни» Ямвлиха. Несомненно, что Афанасий Александрийский хорошо знал эту традицию, и она оказала на него большое влияние²⁴.

Особенности «Жития Антония Великого» в сравнении с предшествующими биографиями и общие выводы

До этого момента мы говорили об общих чертах произведений позднеантичной биографии и «Жития Антония Великого», теперь настала пора сказать и о различии между ними. Прежде всего, это различие тематическое — перед нами не жизнеописание языческого мудреца и чудотворца, а история жизни христианского монаха и подвижника.

Христианская тематика произведения обуславливает использование в нем библейского контекста и библейских мотивов. Библейский контекст в «Житии Антония Великого» анализирует в Предисловии к критическому изданию жития Г. Бартелинк. По его словам, в «Житии Антония Великого» использовано более двухсот библейских цитат [5, p. 48–53].

Библейский текст Афанасий Александрийский берет как основу для изображения духовного образа Антония. Священным Писанием он мотивирует решение Антония отречься от мира: «...εἰσῆλθεν εἰς τὴν ἐκκλησίαν, καὶ συνέβη τότε τὸ εὐαγγέλιον ἀναγνώσκεσθαι καὶ ἤκουσε τοῦ Κυρίου λέγοντος τῷ πλουσίῳ: «Εἰ θέλεις τέλειος εἶναι, ὑπάγε, πώλησον πάντα τὰ ὑπάρχοντά σου, καὶ δὸς πτωχοῖς. Ὁ δὲ Ἀντώνιος, ὥσπερ θεόθεν ἐσχηκὼς τὴν τῶν ἀγίων μνήμην καὶ ὡς δι' αὐτὸν γενομένου τοῦ ἀναγνώσματος» («вошел он в церковь во время чтения Евангелия и услышал, как Господь говорил богатому юноше: *если хочешь быть совершен, продай имущество твое и дай нищим* (Мф. 19: 21). И Антоний, как от Бога принимал напоминание Священного Писания и словно ради него бывшего чтения») [5, p. 132: 13–134: 20].

²³ П. Кокс прямо утверждает, что «Житие Антония Великого» разделено на две части. Ibid. P. 53.

²⁴ Эта не вызывающая сомнения точка зрения высказана П. Кокс. Ibid. P.53.

Принципы аскезы, которым следовал Антоний, также выводятся из новозаветных текстов. Говоря, что Антоний постоянно молился («προσῆχето δὲ συνεχῶς»), автор жития ссылается на 1 Сол., 5: 17 *непрестанно молитесь* [5, р. 138], а свидетельствуя о том, что Антоний «трудился своими руками» («εἰργάζετο τοῦν ταῖς χερσίν»), согласно монашеской практике занятий физическим трудом, он приводит слова апостола Павла из 2 Фес., 3: 10 *если кто не хочет трудиться, тот и не ешь* [5, р. 138: 25].

Большое место в житии Антония занимает демонология. Говоря о борьбе Антония с демонами, Афанасий Александрийский пишет, что в этой борьбе Антонию помогал Господь («Συνήρχει γὰρ ὁ Κύριος αὐτῷ»), и это он также обосновывает словами апостола Павла и книги Псалмов: *благодать Божия, которая со мною* (1 Кор., 15: 10) [5, р. 144: 39]; *Господь мне помощник: буду смотреть на врагов моих* (Пс. 117: 7) [5, р. 148: 25–26].

Афанасий Александрийский постоянно сравнивает Антония с библейскими ветхозаветными и новозаветными персонажами. Он проводит параллель между Антонием и патриархом Иаковом. В Быт. 25: 27 Иаков назван «человеком простым, живущим в дому» («Ἰάκωβ δὲ ἦν ἄνθρωπος ἁπλαστός οἰκῶν οἰκίαν»), в противовес Исаву, который был искусен в звероловстве. Афанасий Александрийский, говоря об Антонии, также называет его человеком простым, имевшим всяческое желание пребывать дома («ἐπιθυμίαν πᾶσαν εἶχε, κατὰ τὸ γεγραμμένον, ὥς ἁπλαστός οἰκεῖν ἐν τῇ οἰκίᾳ αὐτοῦ») [5, р. 130: 9–10].

Антоний уподобляется и Моисею: его внешний вид перед кончиной описан по образу ветхозаветного пророка: *зрение его не притупилось, и крепость в нем не истощилась* (Втор. 34: 7). «Καὶ ὁμῶς ἐν πᾶσι διέμεινεν ἀβλαβής. Καὶ γὰρ τοὺς ὀφθαλμοὺς ἀσινεῖς καὶ ὀλοκλήρους εἶχεν, βλέπων καλῶς, καὶ τῶν ὀδόντων οὐδὲ εἰς ἐξέπεσεν αὐτοῦ· μόνον δὲ ὑπὸ τὰ οὖλα τετριμμένοι γεγόνασιν διὰ τὴν πολλὴν ἡλικίαν τοῦ γέροντος. Καὶ τοῖς ποσὶ δὲ καὶ ταῖς χερσίν ὑγιὲς διέμεινεν» («И тем не менее ни в чем не он претерпел ущерба. Ибо глаза у него были невредимыми и целыми, видел он хорошо, и не выпал у него ни один зуб, они были лишь стерты у основания десен из-за преклонного возраста старца. И руки, и ноги у него остались здоровыми») [5, р. 372: 9–374: 14].

Пророческий дар Антония сродни дару пророка Елисея. Влагая в уста Антония слова о подлинном пророчестве, что этот дар является следствием угождения Богу чистой жизнью («καθαρεύσασα ψυχὴ πανταχόθεν καὶ κατὰ φύσιν ἐστῶσα, δύναται, διορατικῇ γενομένη, πλείονα καὶ μακρότερα βλέπειν τῶν δαιμόνων, ἔχουσα τὸν ἀποκαλύπτοντα

Κύριον αὐτῇ» «душа, совершенно очистившаяся и пребывающая в согласии с естеством, может, обладая проницательностью, видеть больше и дальше демонов, имея Господа, который это открывает ей») Афанасий Александрийский обращается к примеру Елисея (4 Цар. 5: 26 и 4 Цар. 6: 16–17) [5, p. 228: 7–14].

Антоний сравнивается также с царем Давидом. Говоря о том, что среди прочих монахов Антония всегда можно было узнать по веселости лица, происходящей от невозмутимости его души, Афанасий Александрийский вспоминает, как пророк Самуил узнал Давида по внешнему виду (Быт. 49: 11). «Οὕτως ὁ Σαμουὴλ ἐπέγνω τὸν Δαβὶδ· χαράποιους γὰρ εἶχε τοὺς ὀφθαλμοὺς, καὶ τοὺς ὀδόντας ὡς γάλα λευκοῦς. Οὕτω καὶ ὁ Ἀντώνιος ἐπεγινώσκετο» «Так Самуил узнал Давида, ибо очи у него были радостны, а зубы белы, как молоко. Так узнавали и Антония» [5, p. 312: 28–31].

Существуют также параллели между образом Антония и новозаветными персонажами, например, апостолом Павлом. Повествуя о духовном восхождении Антония, Афанасий Александрийский сравнивает его с восхождением Павла на третье небо (Кор. 2, 12: 2–4). «Ἀλλ' ὁ μὲν Παῦλος ἕως τρίτου οὐρανοῦ ἤρπλην καὶ ἀκούσας ἄρρητα ῥήματα κατήλθεν, ὁ δὲ Ἀντώνιος ἕως τοῦ ἀέρος ἑαυτὸν εἶδε φθάσαντα καὶ ἀγωνισάμενον ἕως ἐλεύθερος φανῆναι» «Но Павел был восхищен до третьего неба и, услышав неизреченные глаголы, сошел, Антоний же видел самого себя достигшим воздуха и боровшимся пока не оказался свободным» [5, p. 306: 34–37].

Помимо библейского контекста и библейских мотивов «Житие Антония Великого» отличается от предшествующих ему биографий иным типом образа героя. Выше уже говорилось, что герои языческих биографий статичны, их характеры не развиваются во времени. С «Житием Антония Великого» дело обстоит несколько по-другому.

О динамике образа Антония впервые заговорил А. Присниг, сравнивая его с образом Плотина в биографии Порфирия. Он высказывает мнение, что «добродетели и способности Плотина развиваются от простых до все более высоких степеней» и что в этом образ Антония сходен с ним²⁵.

Однако с А. Приснигом не согласна П. Кокс. Она пишет, что не может принять ту трактовку, которую Присниг дает религиозным биографиям, предшествующим «Житию Антония Великого», поскольку идея «восхождения», которую он постулирует в отношении них, ошибочна. Ибо то, что герои этих биографий «достигли вер-

²⁵ Priessnig A. Die Biographische Form der Plotinvita des Porphyrios und das Antonios-leben des Athanasios // Byzantinische Zeitschrift. 1971. Vol. 64. S. 4.

шины славы, становится очевидным с самого начала, и дальнейшее повествование служит лишь подтверждением их многогранного совершенства»²⁶.

Действительно, если мы обратимся к сочинению Ямвлиха «О Пифагоровой жизни», мы увидим, что Пифагор изначально изображен как божественная личность. Его рождение было предсказано Пифией²⁷, он с детства проявлял признаки своей божественности и выделялся из всех людей богоподобной внешностью и неподражаемой безмятежностью²⁸. Все дальнейшие события из жизни Пифагора не приносят в его образ никакого нового качества, они лишь подтверждают то, что о нем было известно с самого начала.

Однако, если П. Кокс отрицает динамику образов Пифагора и Плотина, то она согласна с утверждением А. Приснига о динамике образа Антония, замечая лишь только, что ошибка Приснига в том, что он хочет найти литературные прецеденты образу Антония в более ранних биографиях²⁹.

Афанасий Александрийский в весьма скупых выражениях пишет, что Антоний родился в христианской благочестивой семье, ходил в детстве с родителями в церковь, и жил обычной жизнью благочестивого отрока [5, р. 130]. Впоследствии, однако, он пережил духовный переворот, отказался от всего, что имел и вступил на путь аскетической жизни. Этот путь был отмечен духовной борьбой и преодолением демонских искушений, двадцатилетней жизнью в затворе. В образе Антония динамика очевидна и очевидно качественное изменение самого героя — от простого благочестивого отрока до великого святого.

Причина динамичности образа Антония в сравнении со статичными образами героев языческих биографий кроется не только в том, что, как полагает П. Кокс, языческие авторы обращались к узкому кругу своих последователей и поэтому стремились дать пример неизменного идеала для ограниченного числа посвященных, в то время как «Житие Антония Великого» обращено ко всем христианам, и каждый мог черпать из жизнеописания Антония то, что доступно его духовному возрасту³⁰. Дело в том, что библейский дискурс подразумевал, что бытие — это не «космос», не что-то незыблемое,

²⁶ Cox P. *Biography in Late Antiquity. A Quest for the Holy Man*. Los Angeles; London, 1983. P. 53.

²⁷ *Iamblichus. De Vita Pythagorica Liber*. Lipsiae: B.G. Teubner, 1937. P. 7.

²⁸ *Ibid.* P. 8.

²⁹ Cox P. *Biography in Late Antiquity. A Quest for the Holy Man*. Los Angeles; London, 1983. P. 54.

³⁰ *Ibid.*

возвращающееся в одну точку, а существование во времени в потоке истории [1, с. 94].

Забегая вперед, скажем, что в более поздних образцах византийской агиографии это ощущение бытия как времени снизится, но «Житие Антония Великого» еще дышит раннехристианским пафосом библейского историзма с его динамическим видением мира как «олама» то есть потока временного свершения» [2, с. 94].

Таким образом, в основе «Жития Антония Великого» лежит библейский дискурс, и если по своим внешним критериям оно является частью античной биографической традиции, то по критериям внутренним, содержательным оно представляет собой новое явление в истории античной биографии. Здесь можно говорить о том же самом феномене, который описал И. Дэлэз в своем исследовании, посвященном истории возникновения агиографических жанров³¹ — наполнении античных литературных форм новым христианским содержанием.

Подводя итоги исследования, скажем, что «Житие Антония Великого» не есть что-то принципиально новое по отношению к предыдущему литературному развитию, возникшее на стыке жанров, как полагают А.А. Войтенко и Т.В. Попова. Можно согласиться с А.А. Войтенко в том, что этот памятник лишь создавал предпосылки для формирования агиографического канона, но его утверждение, что Афанасий Александрийский не делал ни один из античных образцов своим прототипов, не верно. На самом деле это сочинение является органическим продолжением большой литературной традиции жанра античной биографии, впитавшей в себя веяния времени, новые культурные и литературные идеи и явления.

Литература

1. *Аверинцев С.С.* Поэтика ранневизантийской литературы. СПб.: Азбука-классика, 2004. 480 с.
2. *Войтенко А.А.* Египетское монашество в IV в. Житие преподобного Антония Великого, Лавсаик, История монахов. М.: ЦЕИ РАН, 2012. 320 с.
3. *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания в двух томах. М.: Наука, 1994. Т. 2. 674 с.
4. *The Ashgate research companion to Byzantine Hagiography.* London; N. Y.: Routledge, 2011. Vol. I: Periods and Places / ed. by S. Efthymiadis. 440 p.

³¹ *Delehayе H.* Les passions des martyres et les genres littéraires. Bruxelles: Bureaux de la Société des Bollandistes, 1921. VIII, 448 p.

5. *Athanase d' Alexandrie*. Vie d'Antoine / introd., texte critique, traduction, notes, et index par G.J.M. Bartelink. Paris: Les éditions du Cerf, 1994. 433 p.

6. *Brakke D.* The Greek and Syriac Versions of the Life of Antony // *Le Muséon*. 1994. № 107. P. 29–53.

7. *Momigliano A.* The Development of Greek Biography. Cambridge, Massachusetts, London: Harvard University Press, 1993. 143 p.

8. *Rubenson S.* Antony and Pythagoras. A Reappraisal of the Appropriation of Classical Biography in Athanasius Vita Antonii // *Beyond Reception: Mutual Influences between Antique Religion, Judaism, and Early Christianity* / eds. D. Brakke, A.-C.L. Jacobsen and J. Ulrich, Early Christianity in the Context of Antiquity 1. Frankfurt: Peter Lang, 2006. P. 191–208.

Research Article

The Life of St. Anthony the Great by Athanasius of Alexandria. Some Thoughts on Genre

© 2026. Alexandra S. Balakhovskaya

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Abstract: The paper discusses the genre issue of the “Life of St. Anthony” written by Athanasius, Bishop of Alexandria. This Life served as a model for other Byzantine lives of saints; its genre definition is therefore of great importance for analyzing the literary form of the later works of Byzantine hagiography. However, scholars disagree on this problem. Some believe that the Life is an unsettled literary form drawing on various literary models, while others argue that it continues the traditions of classical Greek biography. A study of the “Life of St. Anthony” in the context of the development of classical Greek biography provides a key to understanding its genre origin. Comparing the “Life of St. Anthony” with such biographies as Porphyry’s “Life of Pythagoras” and Iamblichus’s “On the Pythagorean Life,” the author of the paper concludes that the “Life of St. Anthony” belongs to the context of late ancient biography. On the other hand, the Life differs from the works of Porphyry and Iamblichus in its use of biblical context, biblical imagery, and the dynamic nature of the hero’s image. The study concludes that the “Life of St. Anthony” is part of a larger literary tradition of classical biography, which absorbed new religious, cultural, and literary ideas and phenomena.

Keywords: hagiography, genre, ancient biography, Byzantine hagiography, biblical context, biblical imagery, literary tradition

Information about the author: Alexandra S. Balakhovskaya, Doctor in Philology, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7959-5059>

E-mail: a.balakhovskaya@gmail.com

For citation: Balakhovskaya, A.S. "The Life of St. Anthony the Great by Athanasius of Alexandria. Some Thoughts on Genre." *Literaturnyi fakt*, no. 3 (41), 2026, pp. 351–367. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-41-351-367>

References

1. Averintsev, S.S. *Poetika rannevizantiiskoi literatury* [Poetics of Early Byzantine Literature]. St. Petersburg, Azbuka-klassika Publ., 2004. 480 p. (In Russ.)
2. Voitenko, A.A. *Egipetskoe monashestvo v IV v. Zhitie prepodobnogo Antonii Velikogo, Lavsaik, Istoriia monakhov* [Egyptian Monasticism in the 4th Century. The Life of St. Anthony the Great, Lausiac History, History of the Monks]. Moscow, Center for Egyptological Research of the Russian Academy of Sciences Publ., 2012. 320 p. (In Russ.)
3. Plutarkh. *Sravnitel'nye zhizneopisaniia v dvukh tomakh* [Comparative Biographies: in 2 vols.], vol. 2. Moscow, Nauka Publ., 1994. 674 p. (In Russ.)
4. *The Ashgate Research Companion to Byzantine Hagiography*, vol. 1: Periods and Places, ed. by S. Efthymiadis. London, New York, Routledge Publ., 2011. 440 p. (In English)
5. Athanase d'Alexandrie. *Vie d'Antoine*, introd., texte critique, traduction, notes, et index par G.J.M. Bartelink. Paris, Les éditions du Cerf Publ., 1994. 433 p. (In French)
6. Brakke, David. "The Greek and Syriac Versions of the Life of Antony." *Le Muséon*, no. 107, 1994, pp. 29–53. (In English)
7. Momigliano, A. *The Development of Greek Biography*. Cambridge, Massachusetts, London, Harvard University Press, 1993. 143 p. (In English)
8. Rubenson, Samuel. "Antony and Pythagoras. A Reappraisal of the Appropriation of Classical Biography in Athanasius Vita Antonii." *Beyond Reception: Mutual Influences between Antique Religion, Judaism, and Early Christianity*, ed. by D.D. Brakke, A.-C.L. Jacobsen, and J. Ulrich, Early Christianity in the Context of Antiquity 1. Frankfurt, Peter Lang Publ., 2006, pp. 191–208. (In English)

Статья поступила в редакцию: 26.09.2025

Одобрена после рецензирования: 16.06.2026

Дата публикации: 25.09.2026

The article was submitted: 26.09.2025

Approved after reviewing: 16.06.2026

Date of publication: 25.09.2026